

Научная статья

УДК 930.24

ТРАДИЦИИ И РИТУАЛЫ РОССИЙСКОЙ (СОВЕТСКОЙ) АРМИИ

Данил Владимирович Ставицкий

Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

stavitskiydv@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены традиции и ритуалы, играющие важную роль в формировании идентичности и сплоченности Российской армии. Советская армия, как преемница богатой истории российского военного дела, вобрала в себя множество традиций, которые стали основой её внутренней культуры и организации. Эти традиции не только определяли облик армии, но и оказывали значительное влияние на её боеспособность и моральный дух.

Ключевые слова: историческое наследие, моральный дух, патриотическое воспитание, военная культура

Для цитирования: Ставицкий Д.В. Традиции и ритуалы российской (советской) армии // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 3 (36). С. 381–388. URL: <http://vestnik-academrg.ru/2026/09/041.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

TRADITIONS AND RITUALS OF THE RUSSIAN (SOVIET) ARMY

Danil V. Stavitsky

Academy of the National Guard, Saint-Petersburg, Russia

stavitskiydv@mail.ru

Abstract. This article examines the traditions and rituals that play an important role in shaping the identity and cohesion of the Russian army. The Soviet army, as the successor to the rich history of Russian military affairs, has absorbed many traditions that have become the basis of its internal culture and organization. These traditions not only determined the appearance of the army, but also had a significant impact on its combat capability and morale.

Keywords: historical heritage, morale, patriotic education, military culture

For citation: Stavitsky D.V. Traditions and rituals of the Russian (Soviet) army. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2026;3(36): 381–388. (In Russ.). Available from: <http://vestnik-academrg.ru/2026/09/041.pdf>.

© Ставицкий Д.В., 2026

Введение

Становление Вооруженных сил Советского Союза неразрывно связано с горнилом Гражданской войны, когда в 1918 году закладывался идейный и организационный фундамент Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что именно в этот переломный период были сформированы элементы воинской этики и внутриуставных

отношений [1, 2, 6, 17]. Опираясь на принципы боевого товарищества и классового коллективизма, командование выстраивало новую модель взаимодействия, которая, по сути, творчески перерабатывала многовековой опыт отечественных вооруженных формирований [6]. Воинские ритуалы и негласные кодексы чести, стихийно формировавшиеся на фронте, стали тем нравственным стержнем, без которого не-

возможна была бы последующая централизация и дисциплинированность миллионов призывников [11].

Вместе с тем, ряд установок, нашедших отражение в Боевом уставе 1939 года, содержали небольшие неточности в работе. Как показал исторический анализ, советское военное руководство существенно переоценило наступательный потенциал соединений, одновременно принижая качественные и количественные показатели и возможности [1]. К тому моменту гитлеровская Германия уже фактически мобилизовала промышленный и человеческий капитал покоренной Европы, о чем красноречиво свидетельствуют послевоенные мемуары самих немецких военачальников [4]. Мы полагаем, что подобная несовместимость в оценках Вооруженных сил во многом предопределила трагические события первых месяцев Великой Отечественной войны. Стратегические просчеты, детально разобранные в обобщающих трудах того периода, стали прямым следствием необоснованного восприятия расклада сил [5, 8].

По нашим наблюдениям, эволюция организационно-штатной структуры и воспитательной работы протекала под постоянным давлением нарастающей внешнеполитической угрозы. Духовный фактор, пронизывавший всю армейскую среду, в конечном итоге компенсировал изъяны предвоенного планирования [5]. Нравственные возможности, укорененные в массовом сознании бойцов через специфическую связь военной истории и повседневной практики, позволили войскам не только устоять перед лицом катастрофических поражений 1941 года, но и перейти к контрнаступлению [13]. Личные воспоминания Георгия Константиновича Жукова как раз раскрывают скрытую силу народного единства. В критические моменты оно, опираясь на традиции, сохранившиеся со времён Гражданской войны, превосходило техническое превосходство Германской армии. [3].

Основные положения

Говоря о сбалансированном развитии и армейских традиций, невозможно ограничиться рамками отдельного столетия или конкретного государственного устройства. Русский воинский быт складывался на протяжении многих веков, впитывая в себя опыт обороны рубежей, завоевания новых пространств и столкновения с разнообразными противниками начиная от степных кочевников до регулярных европейских ар-

мий [10]. Полагая, что именно протяженность и непрерывность этой истории обеспечили традициям ту глубину, которая позволяла им выжить.

Дружинная культура Древней Руси заложила первооснову отношений между воином и предводителем. Верность князю, круговая порука в бою, презрение к бегству – эти установки нашли закрепления в летописях, несли в себе зародыши будущих представлений о воинской чести [20]. Проведённый анализ показывает, что даже в эпоху феодальной раздробленности, когда единая военная организация отсутствовала, базовые нравственные ориентиры оставались удивительно устойчивыми. Ратник, шедший под стяг, ощущал себя частью не только боевого порядка, но и составляющей сообщества, связанного клятвой и общей судьбой [16].

Переломным моментом стало создание Петром I регулярной армии. Введенные им ритуалы как присяга, полковые знамена, единообразие обмундирования. Все это превратило военные формирования из временного ополчения в постоянно действующую армию [12]. Армия обрела собственную культуру, свой язык, свою внутреннюю иерархию ценностей [12]. Полк переставал быть лишь тактической единицей, становясь для солдата вторым домом, «малой родиной», с которой он видел себя вплоть до смерти. Школа Суворова, основанная на строгой заботе о подчинённых, доверии к их разуму и инициативе, установила стандарты отношения командиров к солдатам, и, как мы увидим дальше, это отношение проявляет настоящую жизненную работу. [6]. Возвращаясь к представлению о командире как об авторитете, укоренённое в суворовской традиции «беречь солдата», оставалось негласным мерилom его состоятельности вопреки всем изменениям [6]. Роль наставника коренилась в многовековой практике, где старший воин нёс моральную ответственность за младшего [14]. По нашим наблюдениям, именно личная авторитетность командира выходила на первый план в критические моменты, когда рушились руководящие структуры управления [5].

Преимущество объясняет способность армии сохранять боеспособность в глубочайших кризисах как от Смуты до 1941 года. Связующие нити проходили не через государственные институты, а через культурную память, воспроизводившуюся в ритуалах и жестах [10]. Этот невидимый

факт удерживал армию как живой организм [6, 7, 11].

В XIX веке, пройдя через горнило Наполеоновских войн и Кавказской кампании, русская армия выработала сложный кодекс офицерской этики. Честь мундира, понятие «товарищества по оружию», неписанные правила поведения в бою. Передаваясь от поколения к поколению не столько через уставы, сколько через устную традицию, через личный пример старших офицеров [6]. Литература указывает, что ценности оказывают значительное и эффективное влияние на формирование руководящих принципов. Молодой офицер, попадая в полк, усваивал правила поведения не из параграфов, а наблюдая за тем, как ведут себя его командиры под огнем, как делят последний сухарь, как хоронят павших [11]. Существенным является именно тот факт, что традиция жила не на бумаге, а в повседневной практике, в жестах, в интонациях, в молчании перед атакой.

Революция 1917 года нанесла, казалось бы, сокрушительный удар по всей системе Российской империи и развитию военных институтов. Декреты новой власти упраздняли чины, ордена, знаки отличия; погоны срывались с плеч, полковые знамена прятались или уничтожались. Формально русская армия перестала существовать [20]. Однако, разрыв оказался значительно менее малым, чем это следовало из революционной риторики. Создаваемая с нуля, Рабоче-Крестьянская Красная Армия вынуждена была привлекать «военспецов» – так их называли – бывших царских офицеров. Без профессионального опыта обученного белого офицера организация массовой армии была бы попросту невозможна [1]. Эти люди, сознательно или нет, привносили в новую структуру привычки, методы и ценностные установки, усвоенные в Российской империи ее армии.

Таким образом, Гражданская война стала для Рабоче-Крестьянской Красной Армии не только школой боевого опыта, но и временем тяжелого становления. Новая армия рождалась в противоречии между классовым идеалом и фронтовой обстановкой, между идеологической доктриной и стихийной солдатской моралью. Традиции, заложенные в те годы и классовая солидарность, и недоверие к «старорежимным» порядкам, и привычка решать вопросы не по уставу. Вот эти обстоятельства во многом определили облик армии и на последующих этапах её истории.

Изменения происходили не путем прямого заимствования, а через сложную систему переориентации. То, что в старой армии именовалось «честью офицера», в новой получало название «революционной сознательности»; «верность присяге» переплавлялась в «преданность делу трудящихся»; полковая сплоченность облекалась в форму «классовой солидарности» [13]. За идеологической риторикой скрывались те же самые психологические рычаги, которые веками обеспечивали боеспособность русских вооруженных формирований. Человек в шинели, независимо от того, какие лозунги он произносил, нуждался в ощущении принадлежности к группе, в доверии к командиру, в убежденности, что его жертва не напрасна [16].

Ни одна армия мира не обходилась без системы соблюдения традиций, маркирующих переход человека из состояния гражданского в состояние военное. Русская армия выработала один из самых насыщенных символических языков в европейской военной традиции [12]. Традиции посвящения, вручения боевого знамени, торжественной клятвы составляли тот ритуальный каркас, внутри которого только и могло состояться превращение вчерашнего крестьянина или рабочего в солдата как носителя особого статуса, особой морали, особой судьбы. Показателен пример отношения к знаменам. В Русской армии, для которой потеря знамени попадала под величайший позор, равносильный гибели самой части [12]. Советское командование, формально отвергая «царские предубеждения», на деле воспроизвело эту установку с еще большей силой. Боевое знамя части стало священным символом, за который красноармейцы гибли, предпочитая смерть сдаче [11]. Ритуал вручения знамени, торжественность его выноса, клятва стоять за него насмерть – это имело прямые аналоги в дореволюционной России, хотя официальная историография старательно замалчивала преемственность [6]. Важно то, что эта двойственность и открытое отрицание пронизывали всю военную культуру СССР на протяжении десятков лет.

Даже в повседневной жизни армии можно заметить преемственность при внимательном наблюдении. Дисциплина в казарме, дежурства, порядок на службе. Во многом это копия стиля Российской империи, только адаптированная к новым реалиям. [1]. Обучение строевой подготовке, требовавшее от солдата механической точности и коллективной синхронности, вы-

полняло ту же функцию, что и в прежние эпохи. Подчинение индивидуальной воли общему ритму, выработка рефлекса подчинения приказу в условиях стресса [11].

Наиболее глубокий и одновременно наименее очевидный факт преемственности касается нравственных установок. В отличие от ритуалов и уставов, которые могли быть отменены декретом, существовали области, не подвластной административному регулированию. В сознании людей и солдат, в их привычках исполнения обязанностей и в бессознательных повторяющихся действиях. [13].

Центральным понятием стал воинский долг. Независимо от того, какой идеологической оболочкой оно покрывалось – как религиозной, монархической или социалистической. Его ядро оставалось неизменным и осознанным к принятию риска ради защиты общества, к которому воин себя причисляет [16]. Проведённый анализ показывает, что именно эта устойчивость ядра позволяла армии функционировать даже в периоды, когда внешние идеологические рамки радикально менялись. Солдат, шедший в атаку под Бородином, и боец, поднимающийся из окопа под Сталинградом, движимы были, по всей видимости, одним и тем же глубинным импульсом, хотя язык, которым они описывали свой поступок, был совершенно различным [17].

Принятие военной присяги в русской армии всегда играло особую роль. Даже после реформ Петра I сам факт клятвенного обязательства сохранял характер почти религиозного акта [16]. Солдат, целовавший крест и Евангелие, воспринимал нарушение присяги не просто как преступление, но как грех, влекущий вечное проклятие. Проведённый анализ показывает, что именно эта сакральная оболочка обеспечивала ту невероятную стойкость, с которой русские полки держались в самых безнадежных ситуациях: отступление без приказа, сдача в плен, оставление знамени расценивались как акты, равносильные духовному самоубийству [11].

Советская власть, демонстрируя разрыв с «поповщиной» и «царизмом», на деле воспроизвела идентичную структуру присяги, лишь заменив её содержательное наполнение. Вручение боевого знамени превратилось в один из центральных ритуалов, по значимости сопоставимый с коронацией в монархической традиции.

Посвящения в Советской армии включали широкую практическую значимость, та-

кое как торжественное вручение личного оружия до приёма в комсомольскую организацию на службе. Каждый из этих ритуалов отмечал определённую ступень в становлении воина, фиксировал его переход в новое качество [6]. Именно многоступенчатость системы посвящений обеспечивала ту постепенность, с которой вчерашний гражданский человек вживался в армейскую среду, усваивал её язык, её жесты, её неписанные правила.

Эффективность воинских ритуалов как инструмента формирования коллективной идентичности во многом определяется той колоссальной психологической нагрузкой, которую они несут. Ритуал понимается как мощное средство эмоционального воздействия, способное в считанные минуты перестроить внутреннее состояние человека, заставить его ощутить себя частью чего-то большего, чем он сам [1, 2, 5, 11]. Когда сотни призывников одновременно произносят слова клятвы, когда знамя части выносятся под звуки марша вот в эти моменты происходит то, что социологи называют «коллективным возбуждением»: индивидуальное «я» растворяется в коллективном «мы», и это растворение переживается не как утрата, а как обретение [16].

Таким образом, именно эта способность ритуала изменять чувство сопричастности объясняет его непреходящее значение для армейской жизни. Казарма, плац, строй – всё это пространства, где индивидуальность сознательно подравнивается. В такой ситуации ритуал становится тем единственным инструментом, который позволяет заново обрести идентичность и уже не гражданскую, а воинскую [6, 10]. Принимая присягу, получая оружие, участвуя в развёртывании знамени, солдат как бы говорит самому себе: «Я часть этого целого, я продолжение тех, кто стоял в этом строю до меня».

Особую роль в этой связи играет символика. Знамя, орден, погоны, кокарда как украшения мундира. Это знаки, несущие в себе целый пласт значений. Когда солдат впервые получает знак отличия, в тот момент происходит признание заслуг, признание мужества, признание принадлежности к особому сообществу [5, 7]. И эта связь как раз и есть след внешнего и внутреннего, пережитого. Она существует между символами и значением, благодаря чему военные ритуалы становятся такими эффективными инструментами для формирования идентичности. Без этой связи ритуал выхолащивается, превращается в

пустую формальность. Но когда связь сохраняется, ритуал обретает ту силу, которая позволяет армии удерживаться вместе даже в самых экстремальных ситуациях [13].

Одна из главных функций воинских ритуалов – создание смыслового моста между личным подвигом отдельного человека и коллективным долгом всей армейской общности. В бою, в экстремальной ситуации, человек часто действует не по приказу, не по уставу, а по внутреннему импульсу, продиктованному его личным пониманием чести, долга, справедливости. Этот порыв с точки зрения военной тактики может быть абсолютно правильным. Вбежишь в огонь, чтобы вытащить раненого товарища; останешься прикрывать отступление, зная, что шансов выжить почти нет. [17].

Ритуал же, предшествующий бою или сопровождающий его, задаёт тот темп, в котором подобный личный подвиг обретает значение не просто частного героического жеста, но акта исполнения коллективного долга. Когда солдат, принимая присягу, клянётся «не щадя своей жизни» защищать Родину, он тем самым вписывает свой возможный будущий подвиг в систему побед. Когда он увидел, что его товарищи стоят рядом с ним и говорят те же слова, он понимает, что он не одинок в своем решении. И его геройский поступок, конечно же, это продолжение героизма других, а его жертва – это вклад в общее дело [16].

Немаловажную роль играют ритуалы памяти. Возложение венков к братским могилам, минуты молчания, торжественные построения в дни годовщин. Всё это – способ удержания связи между живыми и мёртвыми, способ включения павших в число действующих членов армейской общности. Когда солдат стоит у могилы товарища, когда он слышит, как командир произносит его имя, когда он видит, как знамя части склоняется перед его прахом. Момент того, как он понимает то обстоятельство, что его товарищ не умер, он продолжает жить в памяти части, в её традициях, в её ритуалах [3, 6, 11, 18]. И это понимание даёт ему силы идти дальше, зная, что и его собственная жертва, если она потребуется, не будет забыта.

Таким образом, ритуал выступает тем механизмом, который позволяет армии помнить свое прошлое и подвиги своих героев. Отдельные солдаты приходят и уходят, но часть остаётся, её знамя продолжает развеваться, её традиции продолжают жить. И каждый новый призывник, принимая

присягу, вступая в ряды части, становится продолжением тех, кто стоял в этом строю до него [13].

Боевой устав пехоты 1939 года содержал ряд положений, не соответствовавших реальной обстановке [1]. Центральной идеей стала наступательная маневренная война с глубокими ударами механизированных соединений [2]. Оборона рассматривалась как вынужденная и временная форма. Проведённый анализ показывал, что теоретики, воспитанные на опыте Гражданской войны, не учли, что будущая война с технически развитым противником станет войной на истощение с несопоставимо более высокой плотностью фронтов [8]. Именно эта доктринальная односторонность стала одной из главных причин катастрофы лета 1941 года.

Советское руководство существенно переоценивало наступательный потенциал собственных соединений [1]. Танковые корпуса на бумаге выглядели грозной силой, но реальная укомплектованность и подготовка оставались ниже заявленных характеристик. Одновременно принижалось качественное превосходство Вермахта, представлявшего к 1941 году качественно новую военную машину [4]. Сведения разведки интерпретировались в угоду доктринальным установкам о «малой крови на чужой территории» [3]. Подобная диспропорция в оценках предопределила трагические события первых месяцев войны.

К лету 1941 года под контролем Берлина оказалась большая часть континентальной Европы, чья промышленность и людские ресурсы работали на Вермахт [4]. Советское руководство недооценило масштаб этой мобилизации, полагая, что Германия не сможет сконцентрировать все силы на Восточном направлении [3]. К июню 1941 года против СССР было сосредоточено около 190 дивизий. Это была беспрецедентная концентрация военной силы. Во многих материалах именно недооценка этого фактора стала ключевой причиной стратегических ошибок [8].

Совокупность доктринальных недооценок привела к стратегической неготовности к отражению удара. Планы развёртывания исходили из ошибочного предположения, что советская мобилизация опередит немецкую [1]. Стратегические просчёты стали прямым следствием восприятия расклада сил [8]. Части в приграничной зоне оказались сосредоточены в районах, уязвимых для контрудара [3]. Энциклопедические издания тиражировали упрощённые

схемы маневренной войны, не учитывающие возросшую плотность фронтов [2]. Неспособность оценить качественные изменения в характере войны стала главной причиной катастрофы. Однако эти просчёты не сломили волю к сопротивлению и духовный фактор позволил войскам устоять и тем самым перейти к контрнаступлению [5].

Июнь 1941 года опрокинул предвоенные расчёты. Потери первых недель оказались сокрушительными по своим масштабам. За три недели разгромлено 28 дивизий из 170. Прежние штатные расписания утратили смысл. Дивизии сводились в уменьшенные составы, танковые соединения переформировывались в стрелковые бригады. Анализ показывает, что эволюция армии в 1941–1942 годах, по сути, подчинялась не логике военной науки, а логике выживания. Важно то, что организационная гибкость, сформированная в этот период, позволила Красной Армии СССР удерживать фронт.

Просчёты предвоенного планирования компенсировались духовным фактором, таким как патриотизм и коллективизм. Убеждённости в справедливом характере войны. Авторская позиция заключается в том, что предвоенные планы рассчитывали на исправную работу механизма, но не учли живой человеческой воли, способной этот механизм заменить. Всеобъемлющая работа на всех уровнях: от солдат всего с тремя патронами до командиров на передовой. Именно эта способность компенсировать нехватку ресурсов силой воли определяет поворотные моменты войны.

Единство народов СССР стало одним из залогов Победы. Национальные формирования действовали наравне с остальными частями. Для русского, украинца, грузина, татарина национальность переставала быть маркером «чужого», уступая место критерию «свой – это тот, кто прикроет спину в бою». И по наблюдениям, именно эта фронтовая солидарность скрепляла подразделения в самые тяжёлые моменты.

Вывод

Современные вызовы, стоящие перед Вооружёнными Силами Российской Федерации и войсками национальной гвардии, требуют непростого воспроизведения советских образцов, а творческого переосмысления исторического наследия. Сокращение срока службы по призыву, смысловое развитие информационной

среды, агрессивная конкуренция моделей поведения – и это всё делает невозможным построение эффективного воинского воспитания исключительно на административных методах. По наблюдениям, ключевым элементом здесь выступает личный пример командира (офицера-наставника) и доверительный контакт, а не назидательная риторика. Возвращение к воинской чести, достоинству и личной ответственности, укоренённых в национальных военных традициях, крайне необходимо [14].

Техническое перевооружение армии, при всей его масштабности, не отменяет, а напротив, обостряет проблему морального фундамента. Высокоточное оружие, беспилотные летательные аппараты, цифровые системы управления требуют от военнослужащего не только профессиональных навыков, но и развитого нравственного чувства, способности к нравственной автономии в ситуациях, где границы между добром и злом размыты алгоритмами и дистанционным управлением [9]. Дрон не заменит плеча сослуживца, а система навигации в свою очередь не заменит доверия к командиру. Война остаётся коллективным действием, и её исход по-прежнему зависит от того, насколько люди готовы жертвовать собой друг ради друга. Техника может умножить силу, но только дух придаёт этой силе направление.

Таким образом, этот исторический урок, добытый ценой миллионов жизней в горниле Великой Отечественной войны, сохраняет свою непреходящую значимость. Он наглядно показал самые совершенные технические оснащения армии. Несомненно, это не так важно, как качество человеческих ресурсов, воспитанных с помощью мощного образовательного процесса, который может превратить обычных людей в защитников Родины. Традиции и ритуалы – те не музейные реликвии, а живой инструмент формирования коллективной идентичности, смыслового моста между прошлым, настоящим и будущим, превращающего армию из временного собрания людей в историческую общность, живущую вне времени [13]. Понимание этого механизма, на мой взгляд, имеет фундаментальное значение для решения задач воинского воспитания в любые исторические эпохи, включая нашу, отмеченную новыми геополитическими вызовами и технологическими революциями.

Список литературы

1. Вооруженные Силы СССР в период Гражданской и до начала Великой Отечественной войны: учебное пособие / К. Б. Муксинов, С. Ю. Окунев, И. Г. Синицын; под ред. Б. Д. Казахова. СПб. : ВКА имени А. Ф. Можайского, 2014. 111 с. С. 85–112.
2. Военный энциклопедический словарь: в 2 т. М. : Науч. Изд. «Большая Российская энциклопедия», 2001. 816 с. С. 567–605.
3. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. М. : АПН, 1990. С. 110.
4. Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан. СПб.; М., 2002. С. 45–67.
5. Котков В. М. Истоки Победы: духовный фактор // 65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вклад Ленинградского, Волховского фронтов, Балтийского флота в достижение Победы: материалы работы научно-практической конференции, 29 апреля 2010 г. СПб. : Политехника-сервис, 2011. С. 115–135.
6. Максимов С. Г. Русские воинские традиции. М. : Вече, 2010. 320 с. С. 115–225.
7. Подвиг народа: вклад народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб. : Аврора, 2015. С. 25–96.
8. Уроки и выводы: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961.
9. Усиков А. В. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века / под общ. ред. А. С. Рукшина. М. : Воениздат, 2008. 1126 с.
10. Шефов Н. А. Битвы России. М. : АСТ:АСТ, 2006. 699 с. (Военно-историческая библиотека).
11. Серых В. Д. Воинские ритуалы / В. Д. Серых. М. : Воениздат, 1986. 256 с.
12. Зедделер Л. И. Военный энциклопедический лексикон: в 14 т. / под ред. Л. И. Зедделера. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1854. 678 с.
13. Ставицкий Д. В. Связь военной истории и нравственности / Политработа: история, современность, перспективы (к 80-летию Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации): материалы Межведомственной научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2025.
14. Ставицкий Д. В. Роль педагога-наставника в патриотическом воспитании курсантов / Владимир Яковлевич Слепов: учитель, ученый, наставник (к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова). СПб., 2025. С. 433–436..
15. Ставицкий Д. В. Сознание полководца статья в сборнике трудов конференции: СПб., 2025. С. 534–540.
16. О долге и чести воинской в Российской Армии: собрание материалов, документов и статей. М., 2008. 152 с.
17. Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке. М., 2009. 170 с.
18. Проблемы воинского воспитания. М., 2007. 84 с.
19. Основы безопасности жизнедеятельности. М., 2006. 214 с.
20. Корсневский А. А. История русской армии. М., 2009. 189 с.

References

1. Vooruzhennye Sily SSSR v period Grazhdanskoj i do nachala Velikoj Otechestvennoj vojny: uchebnoe posobie / K. B. Muksinov, S. YU. Okunev, I. G. Sinicyn; pod red. B. D. Kazahova. SPb. : VKA imeni A. F. Mozhajskogo, 2014. 111 s. S. 85–112. (In Russ.).
2. Voennyj enciklopedicheskiy slovar': v 2 t. M. : Nauch. Izd. «Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya», 2001. 816 s S. 567–605. (In Russ.).
3. Zhukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya: v 3 t. M. : APN, 1990. S. 110. (In Russ.).
4. Itogi Vtoroj mirovoj vojny: vyvody pobezhdennyh / K. Toppel'skirh, A. Kessel'ring, G. Guderian. SPb.; M., 2002. S. 45–67. (In Russ.).
5. Kotkov V. M. Istoki Pobedy: duhovnyj faktor // 65 let Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Vklad Leningradskogo, Volhovskogo frontov, Baltijskogo flota v dostizhenie Pobedy: materialy raboty nauchno-prakticheskoy konferencii, 29 aprelya 2010 g. SPb. : Politehnika-servis, 2011. S. 115–135. (In Russ.).
6. Maksimov S. G. Russkie voinskie tradicii. M. : Veche, 2010. 320s S. 115–225. (In Russ.).
7. Podvig naroda: vklad narodov SSSR v Pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. SPb. : Avrora, 2015. S. 25–96. (In Russ.).
8. Uroki i vyvody: Strategicheskij ocherk Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. M., 1961. (In Russ.).

9. Usikov A. V. Voennoe iskusstvo v lokal'nyh voynah i vooruzhennyh konfliktah. Vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka / pod obshch. red. A. S. Rukshina. M. : Voenizdat, 2008. 1126 s. (In Russ.).
10. Shefov N. A. Bitvy Rossii. M. : AST:AST, 2006. 699 s. (Voenno-istoricheskaya biblioteka). (In Russ.).
11. Seryh V. D. Voinские ritualy / V. D. Seryh. M. : Voenizdat, 1986. 256 s. (In Russ.).
12. Zeddelер L. I. Voennyj enciklopedicheskij leksikon: v 14 t. / pod red. L. I. Zeddelera. 2-e izd. T. 5. SPb., 1854. 678 s. (In Russ.).
13. Stavickij D. V. Svyaz' voennoj istorii i npravstvennosti / Politrabota: istoriya, sovremennost', perspektivy (k 80-letiyu Voенnoj ordena ZHukova akademii vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii): materialy Mezhdvedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. SPb., 2025. (In Russ.).
14. Stavickij D. V. Rol' pedagoga-nastavnika v patrioticheskom vospitanii kursantov / Vladimir YAkovlevich Slepov: uchitel', uchenyj, nastavnik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. YA. Slepova). SPb., 2025. S. 433–436. (In Russ.).
15. Stavickij D. V. Soznanie polkovodca stat'ya v sbornike trudov konferencii: SPb., 2025. S. 534–540. (In Russ.).
16. O dolge i chesti voinskoj v Rossijskoj Armii: sobranie materialov, dokumentov i statej. M., 2008. 152 s. (In Russ.).
17. Polevoj B. N. Povest' o nastoyashchem cheloveke. M., 2009. 170 s. (In Russ.).
18. Problemy voinskogo vospitaniya. M., 2007. 84 s. (In Russ.).
19. Osnovy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti. M., 2006. 214 s. (In Russ.).
20. Korsnovskij A. A. Istoriya russkoj armii. M., 2009. 189. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. В. Ставицкий – кандидат военных наук

Статья поступила в редакцию 14.05.2026;
одобрена после рецензирования 11.08.2026;
принята к публикации 28.09.2026.

Information about the author

D. V. Stavitsky – Candidate of Sciences
(Military)

The article was submitted 14.05.2026;
approved after reviewing 11.08.2026;
accepted for publication 28.09.2026.